

ВАЛЕНТИН
ПОНОМАРЕВ

ЖИЗНЬ
СЫЗНОВА

Валентин Егорович Пономарев

ЖИЗНЬ СЫЗНОВА

М., «Советский писатель», 1986, 320 стр.
План выпуска 1986 г. № 111

Редактор С. А. Панасян

Худож. редактор Е. И. Балашева

Техн. редактор Н. В. Сидорова

Корректоры Т. Н. Гуллева и Б. Ш. Котл

ИБ № 5545

Слано в набор 19.12.85. Подписано к печати
26.03.86. А 12553. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
тип. № 2. Обыкновенная новая гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16.80. Уч.-изд.
л. 17.08. Тираж 30 000 экз. Заказ № 436.
Цена 1 р. 10 к.

Ордена «Дружбы народов» издательство
«Советский писатель», 121069, Москва,
ул. Воровского, 11

Московская типография № 13
ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., дом 30

Пономарев В. Е.
П 56 Жизнь сызнова: Повести и рассказы.— М.: Совет-
ский писатель, 1986.— 320 с.

Герои книги — моряки транспортного флота. Нелегкая работа и
жизнь в суровых условиях северных морей показаны автором худо-
жественно достоверно и искренне.

П 4702010200—152 111—86
083(02)—86

ББК 84.Р7

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Жизнь сызнова	7
Качка	106

РАССКАЗЫ

Мать-начальница	157
Море далеко	181
Голубой дядя	195
Амиго	213
Солнце над головой	251
Гришка Нос	292

ВАЛЕНТИН
ПОНОМАРЕВ

ЖИЗНЬ
СЫЗНОВА

ВАЛЕНТИН
ПОНОМАРЕВ

ЖИЗНЬ
СЫЗНОВА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

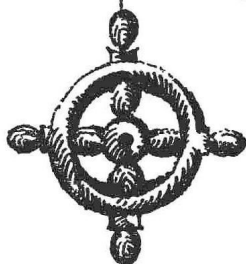
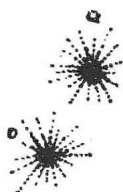
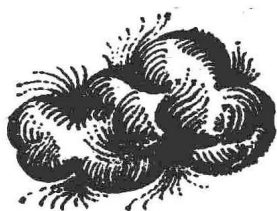
МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник
АЛЕКСАНДР ДОБРИЦЫН

П 4702010200—152
083(02)—86 ————— 111—86

© Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

ПОВЕСТИ

ЖИЗНЬ СЫЗНОВА

« »
02.41. Объявлен аврал — со швартов сниматься... 03.12. Отошли от причала... В рейс отказалась идти камбузница — самовольно покинула борт судна.....»

За два года плавания никто из членов экипажа не видел ее плачущей. И первые безудержные слезы говорили, что человеку трудно. Трудно, как никогда прежде. А жилось ей по-всякому. Работа у нее с малолетства — нелегкая, физическая. Будто это и сказалось на длине ее рук, на твердости походки. Рослая, крупная в кости, выглядела она несуразно. С первого взгляда такую трудно оценить. В ней ничто не било на эффект: ни фигура, ни одежда, ни прическа. Она не завивала волосы, не пользовалась косметикой. Все в ней было естественно и просто. Стоило лишь приглядеться, поговорить с ней, как чарующая сила женщины проступала сама собой. Неповторима была ее улыбка. Так и хотелось, чтоб она вечно улыбалась. Но нет, это оружие ею не применялось. Да и вряд ли она знала о нем. Скорее всего, она не умела и не хотела ни пользоваться достоинствами, ни скрывать недостатков.

И все-таки она была красива. Правильные черты ли-

ца, нос с еле уловимой горбинкой, русые волосы, уложенные тугими косами на голове, глаза — все как редкий дар природы.

Быть может, сочетание неброского телосложения с изумительной прелестью лица наложило роковую печать на ее судьбу и жизнь. В горе голову она держала гордо, но угрюмый взгляд излучал тоску души.

Одни звали ее запросто — Леной, другие — Титовой. Однако это не убавляло, не прибавляло к ее возрасту ни единого дня.

«04.00. Смена вахт. На мостике — вахта старпома. Установлен режим работы машины — полный ход. Курс рекомендованный...»

Старпом Чертков наедине называл ее Еленой, во всех остальных случаях официально — Еленой Титовой. Он вообразил, что знает о ней все. И вот понял — ошибся. Теперь то оправдывал ее и бранил себя, то винил экипаж и терялся в догадках. А за бортом работало вечное море. И в тысяча девятьсот шестидесятом году оно такое же, как сто, как тысячу лет назад...

Море постоянно в трудах. Даже в полный штиль, как в это раннее утро. С момента выхода из порта — штиль. Сначала река была загадочно тихой, словно в печали о минувших белых ночах. Потом пересекли залив, который, будто соперничал с рекой, не шелохнулся. Вскоре холмистый берег исчез за горизонтом, равно как потонул в тишине. Теперь огонь маяка растаял в штилевом рассвете. Разная бывает тишина: то предвещает бурю, то — после бури. Да и бури отличаются одна от другой.

Внешне старпом казался спокойным. Плечистый, длинноногий, точно на ходулях, расхаживал он степенно по правому крылу мостика и курил свою любимую рижскую «Приму», предпочитая ее всем другим сигаретам мира. Штатская одежда, благообразная седая голова делали его похожим на школьного учителя, но не на моряка. Несколько лет назад присланный из пароходства новый боцман Петрачихин-Данельсон сказал о нем матросам:

— Э-э-э, старшой?.. Нэт. Пэдагог.

Между собой команда частенько так и звала старшего помощника капитана: педагог. Сейчас он выкурил сигарету и от окурка прикурил другую. Изменив своей

многолетней привычке, сегодня Чертков курил много и натошак. Незадача. Мысленно он покидал мостик и палубу судна. А глаза через горизонт видели берег, причал, Елену...

*«04.33. Прошли траверз секторного маяка...
Легли на новый курс... Сличили компасы...»*

В рулевой рубке за штурвалом стоял Петр Ерш, спортивно скроенный двадцатипятилетний матрос. Он вел судно и что-то грустное напевал себе под нос.

Обычно старпом внимательно относился к своему товарищу по вахте. Ценил его как рулевого, поучал как младшего. За это в душе матроса всегда теплилось чувство благодарности. Ерш не слыл болтуном, но поговорить ~~любил~~. Сейчас между ними строгая официальность. Тон задает старший. Хотя после ~~принятия~~ вахты прошло почти три четверти часа, они не обменялись друг с другом ни словом. Первым нарушил молчание Ерш:

— Правда, Петр Семенович, скандинавы направляют в дальние рейсы женские бригады прачек?

— Вам, тетка, нездоровится?

— Их посылают для оздоровления морского быта.

— ~~Вы~~ недавно переболели желтухой...

— ...специально ~~подбирают~~ красоточек...

— Вы в больнице это слышали?

— А у нас была одна...

— У нас было две, осталась одна.

— Вторая не в счет, тетя Тося пенсию зарабатывает.

— Тетка, вы вздор несете после желтухи.

Чертков едва сдерживал свою досаду. Он был полон всяческих подозрений ко всем, кто как-то обидел или оскорбил Елену Титовну. Как слепой котенок, он многого не понимал. Да и в себе не мог разобраться. Все это выводило его из нормальной колеи. И, по всей вероятности, Ершу могло бы влететь, если бы он не упредил его выпад сообщением:

— Вон боцманская фуражечка мелькнула.

На мостике спозаранку и неожиданно объявился боцман.

— Кутэрма!.. Чего будем дэлать? — нервничал Петрачихин-Данельсон, стоя навытяжку перед старпомом. — Сбэжала дэрэвня звездоглазая...

- Вы, боцман, ночью играли вместе с электриком?
- Нэ играли, старшой. Чуть-чуть гуляли.
- Ничего себе «чуть-чуть»...
- Сбэжала, а презенты оставила.
- Чесноком от вас на милю несет.
- День имэния, старшой.
- Тьфу.
- Чэснок, чэснок... — обиделся боцман и скользнул назад вниз по трапу.

Хоть росту Петрачихин-Данельсон был среднего и средних лет, по весу — наилегчайшая категория. Тонкий, будто жердь. В чем душа держалась — неизвестно. Одни глаза горели, как фары. Бегал шустро: «то адэсь, то там». На макушке — ни волоска. Голо, голо, точно на коленке. Матросы острословили на сей счет с намеком на амурные боцманские похождения. Комбинезон боцман ушивал в обтяжку. Держал фасон. Так, что нагибаться не мог. И занятия себе подбирал наудачу. Чаще положенного гремел на палубе пустыми бочками, перекатывая их от борта к борту, перематывал концы на швартовых вьюшках, покрикивал на матросов, угрожал непокорным капитанской карой, божился, что он самый работающий боцман на всех морях. Лысину боцман прикрывал морской фуражкой, растянутой самодельным обручем под блин. «Штырь со шляпкой» — прозвали его матросы.

— Гад со связями, — ругнул его Ерш, удивив старпома резкостью.

— Не к добру... Э-э-э, кутэрма... Сбэжала дерэвня... — уже на шлюпочной палубе кипятился боцман.

«04.49. Проверено крепление палубного груза, по каравану леса проложены переходные мостки согласно технике безопасности...»

Елена Титовна не скрывала своей биографии. Собственноручно перед поступлением в пароходство писала эту биографию, заполняла разные анкеты. Обыкновенная биография. До флота ее житье-бытье протекало в глухом селении, на южной границе лесотундры. Три небольшие слободенки, теснясь друг к другу, спускались неровными заборами к речке Выкойде. Выкойда отдавала свои воды большой реке, а та впадала в море. Три

слободы — три бригады составляли колхоз. Немногим более сотни трудоспособных крестьян. Мужчины по пальцам пересчитывались — от председателя до Петюни-дурачка. Не хватало мужского пола. После службы в армии мужчины оседали в городе, как мухи на мухоморе. Хозяйство колхоза ложилось на плечи женщин. С мая до покрова бабы трудились в поле, зимой — на лесозаготовках. Так день ото дня, год от году...

Конечно, по праздникам скромничали. Но бабы лихоманились пуще и пуще. Даже по большим торжествам они хороводили на одном конце слободы, мужьяки — на другом. Боялись бабы себя — подальше от греха, от сраму. С тоски чего только не бывает! К концу гулянки приволакивался к ним холостой Никодим.

— Салют, бабье! — орал он. — Любовь дело даст!

И плясал хромой Никодим. Приседая на здоровую ногу, падал.

— Титовна! — просил он. — Помогите.

Она ставила его на ноги. Он шептал:

— Выходи, Титовна, за меня. Кину всех. Заживем.

— Чего еще придумал?

Когда Никодим, окончательно измотавшись, начинал храпеть, бабам оставались одни песни.

Елена Титовна слыла певуньей. Пела с граблями и вилами, с топором и пилой. Песни, как нафталинные присыпки, сохраняли ее душу чистой, искренней. До двадцати шести лет ждала она любви. Ждала и верила — вот вернутся колхозные подводы из района и привезут человека. И он скажет ей: «Я нашел тебя». И отдаст она ему все, что у нее есть, — всю себя, до последнего дыхания. Годы уходили, а подводы и даже грузовики возвращались пустыми. Иной раз заворачивали в деревню легковые автомобили. Приезжали райцентровские мужчины. Сходились на собрание. Митинговали. Разговоры о хлебе и лесе, о лошадях и коровах заканчивались голосованием. Бабы дружно тянули кверху руки — охота жить в изобилии. После аплодисментов заезжие мужчины наскоро заводили машины, и след их простывал. Дома их дожидались жены.

— Выходи, Титовна, за меня.

И вышла она замуж. Не по любви и не по расчету. Просто не вынесла одиночества. Жужжали в уши подружки, и самой мерещилось — «слюбится да сголубится». Хотелось женщине чуточку радостей, а выходили

печали. На поверку Никодим выявился злым и жадным — требовал от нее того, чего она не могла дать.

— Пушай я — антапка. Пушай ты — ружже. Пушай! — разорялся Никодим, шеголяя солдатскими зна- ниями.

Его научили, что без антабки, через которую проде- вается ремень, не надеть оружия на плечо, что все де- тали важны. Однако то по глупости, то по лени он не помнил их точных названий. Отслужив в пехоте, он, как многие, не собирался домой. Но при демобилизации по- вредил ногу. В конце концов вернулся на родину.

— Или я — ружже? Или ты — антапка? — придирал- ся он к жене, вращая под ее носом увесистый кулак.

Она ничего не знала об антабке. А себя понимала. Чувствовала свое потаенное.

— Рожай мне меня. Хочу наследника.

Не могла она сделать Никодима отцом. Как муж он не стал ей ближе того чужого хромого мужчины. Надое- ло ей бегать в сельмаг за «сучком». И ничего тут не исправить. Ночью задыхалась под общим с ним одеялом, утром ненавидела себя за прошедшую ночь. Днем, ког- да Никодим ковылял в окружении слободских собак, казнилась сама и кляла свою судьбу. Сплошная пытка. А пытка не может длиться бесконечно.

— Начиталась лакомых романов!.. Знамо, сука. Убе- жала бы к любовнику?!.. Да нету их у нас. Лучшей меня нету, — хорохорился Никодим.

Тоска глодала ее душу за двоих, и за себя, и за него.

Однажды, запрягая в сани кургузую кобылу, чтоб доставить в район колхозное молоко, он увидел на би- донах жену.

— Собралась, чай, на базар?

— Невмоготу, невомоготу, Никодим.

— Тпру, тпру. А ну-ка, слазь.

— Лишь к братцу, на свиданьице.

— Буйный я? Буйный!.. Понимай — не ради хворса. Калека я. А с какого лешего?.. Э-эх!..

— Век не виделась с братцем.

— Но-о-о. Поехали. Прогуляйся, проветрись...

Брат когда-то наведывался в отчий дом. Потом обжа- велся семьей, сделался окончательно городским. Не смог приехать даже на похороны собственной матери — рыбачил в Баренцевом море. При встрече с сестрой

вспоминал мать, оплакивал ее задним числом, переживал искренне.

— Ну, ни дна мне, ни покрышки... Ну, сама знаешь, житуха — такая самокрутка... Только и кашляешь. Ну, не приехал, ну...

— Ты бы хоть телеграммку отстучал.

— Ну, не написал, ну, заработался... Ну, извиненьища прошу... Треску ведь ловил, хорошо попадалась... Без нее как людям жить-то...

Она рассказала о себе без утайки. Как у старшего брата попросила совета и помощи.

— Ну, Никодим, ну, заяц, ну, скорпион... «Антатка»!.. Нет, сестрица, не туда сети метнула.

— Без сетей как-то случилось.

— Стой!.. Баламутит-то он почему? Ведь отец, да и дед... Никто из его стариков не закладывал.

— Да как знать про это? — проговорила она скороговоркой, и полились непрошеные слезы.

— Ну, будет, будет... Все перемелется.

— Да как?

— Иди, сестра, к морякам.

— Да как же?

— Ну, покантуешься... Есть у меня дружок, баранку крутит. Начальника пароходства возит. Ну, перетолкую, улажу... Ну... Не ты первая, не ты последняя, — вынес брат окончательный приговор.

«05.00. Определили место по 3 радиопеленгам... Судно течением сносит на северо-запад... Изменили курс...»

Так очутилась Елена Титовна на пароходе «Лена», в каюте старшего помощника капитана. Чертков обладал дрянной манерой вести беседу. Говорил он обычно, глядя не на собеседника, а куда-то поверх его. Упирался глазами в какую-нибудь точку, словно декламировал, слушая самого себя. Словно рядом никого не было. Людей это обижало. И старпом часто мучился — ненавидел свою привычку. Но тогда он обидел Елену Титовну не по форме, а по существу разговора.

— Из деревни — на корабль? Странно... Городские, или пополнить гардероб, или... Женихов здесь полно. Отбоя от них не будет. Однако... не советую. У нас строго...